

УДК 316.77:930.85

И. В. Поляков

(аспирант кафедры философии и истории)

Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова
(Горловка, Донецкая Народная Республика, РФ)

ДИДЖИТАЛ КОММЕМОРАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ФЕНОМЕН ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена социально-философскому анализу диджитал коммеморации как феномена цифрового общества. Цель исследования – раскрыть диджитал коммеморацию как особую форму общественного обращения к прошлому, в которой коллективная память действует как медиакоммуникативная, ценностно нагруженная и социально организующая практика. Методологическую основу составляют социально-философский, аксиологический, коммуникативный, семиотический и медиатеоретический подходы. Показано, что цифровая коммеморация расширяет круг субъектов памяти, переводит мемориальные символы в сетевые форматы, усиливает публичность индивидуальных воспоминаний и ускоряет циркуляцию исторических нарративов. Одновременно она создает риски фрагментации, манипуляции, фейковости, коммерциализации и симуляции памяти. Обосновано, что диджитал коммеморация является не техническим приложением к традиционным мемориальным практикам, а самостоятельным социально-философским объектом, в котором пересекаются проблемы идентичности, исторической истины, медиавласти, ценностного выбора и ответственности субъекта цифровой культуры.

Ключевые слова: диджитал коммеморация, цифровая память, медиапамять, коллективная память, историческая память, цифровое общество, мемориальная культура, виртуальные мемориалы, социальные сети, постправда.

I. V. Polyakov

(Postgraduate student of the Department of Philosophy and History)

Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov
(Gorlovka, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

DIGITAL COMMEMORATION AS A SOCIO-PHILOSOPHICAL PHENOMENON OF DIGITAL SOCIETY

Abstract. The article presents a socio-philosophical analysis of digital commemoration as a phenomenon of digital society. The aim of the study is to reveal digital commemoration as a specific form of social appeal to the past, in which collective memory functions as a media-communicative, value-oriented and socially organizing practice. The methodological basis includes socio-philosophical, axiological, communicative, semiotic and media-theoretical approaches. It is shown that digital commemoration expands the range of memory actors, transfers memorial symbols into network formats, increases the publicity of individual memories and accelerates the circulation of historical narratives. At the same time, it creates risks of fragmentation, manipulation, fake content, commercialization and simulation of memory. The conclusion is made that digital commemoration is not a technical addition to traditional memory practices,

but an independent socio-philosophical object in which the issues of identity, historical truth, media power, value choice and responsibility of the subject of digital culture intersect.

Keywords: *digital commemoration, digital memory, media memory, collective memory, historical memory, digital society, memorial culture, virtual memorials, social networks, post-truth.*

Проблема диджитал коммеморации возникает на пересечении двух процессов: возрастающего общественного интереса к прошлому и цифровой трансформации коммуникации. В традиционном виде коммеморация опиралась на памятник, мемориальную доску, музей, ритуал, годовщину, публичную церемонию и конкретное место, в котором сообщество заново подтверждало значимость события. Цифровое общество эту логику не отменяет, но существенно меняет ее условия. Память удерживается уже не только в материальном объекте, но и в цифровом архиве, медиаплатформе, интерактивной карте, социальной сети, онлайн-музее, пользовательском посте или хэштеге. Если говорить кратко, то это выглядит следующим образом: прошлое входит в культуру настоящего как поток медиасообщений, которые постоянно пересобираются цифровыми субъектами.

В гуманитарном знании коммеморация не может быть сведена к предмету одной дисциплины. Весьма определенно на этот счет высказывается Л. В. Ландина, рассматривая ее «в качестве визуализации коллективной памяти с целью сохранения общественно значимых нарративов» [6, с. 15]. В контексте поставленных задач важно подчеркнуть, что цифровая среда усиливает именно визуально-коммуникативную природу памяти: событие прошлого становится видимым, воспроизводимым, редактируемым и включенным в сетевые режимы внимания. Значима и дефиниция М. Л. Шуб, согласно которой коммеморация понимается как «совокупность публичных коллективных практик, направленных на формирование ценностей и моделей поведения через ритуально оформленное удержание и воспроизведение (повторение) в актуальной культуре значимых для группы, символически выраженных селективных представлений о прошлом» [цит. по: 6, с. 16]. В процитированном определении подчеркивается не только обращение к прошлому, но и его нормативная функция: память удерживается для того, чтобы задавать ценностные ориентиры и социально одобряемые модели поведения. Диджитал коммеморация сохраняет эти признаки, однако переносит их в среду интерфейсов, ссылок, сторис, видеонарративов и виртуальных маршрутов.

Социально-философский анализ диджитал коммеморации должен исходить из того, что цифровизация является не только технологическим процессом, но и преобразованием жизненного мира человека. И. В. Чернов справедливо отмечает, что «цифровая среда сегодня проникает как в повседневные практики, так и в область профессиональной деятельности, не только кардинально меняя их формы, но и перестраивая сознание людей» [9, с. 122]. Экстраполируя это положение в контекст исследования нашей темы, можно обнаружить, что диджитал коммеморация меня-

ет не только способ хранения памяти, но и саму оптику восприятия прошлого. Пользователь уже не ограничивается получением готового исторического нарратива: он выбирает, комментирует, визуализирует, дополняет, оспаривает и создает собственный фрагмент памяти, становясь участником общего мемориального процесса.

Корректнее, однако, говорить не о простой оцифровке памяти, а о новом способе ее общественного функционирования. Оцифровка музейного фонда или архивного документа переводит материал в иной формат, но сама по себе еще не делает его цифровой памятью. Коммеморативный статус возникает тогда, когда цифровой объект начинает выполнять социальную функцию: объединяет людей вокруг прошлого, задает модели интерпретации, формирует эмоциональную и ценностную реакцию, поддерживает идентичность или инициирует конфликт интерпретаций. Иначе говоря, цифровой образ прошлого становится коммеморативным только тогда, когда включается в практику коллективного узнавания, воспроизводства и оценки.

В этом отношении принципиальна мысль Д. С. Артамонова, сформулированная им в докторской диссертации: «прошлое было переведено в цифровой формат и подвергнуто бесконечным трансформациям, как и вся актуальная информация в сети Интернет только потому, что технологии это позволяют» [2, с. 5]. Можно солидаризироваться с мыслью Д. С. Артамонова, что цифровой формат делает прошлое подвижным: его можно копировать, монтировать, визуально усиливать, эмоционально маркировать, фрагментировать и включать в образовательный, политический или развлекательный контекст. Такая точка зрения была бы в целом логически корректна, но дело в том, что данная подвижность имеет двойственный характер. Она расширяет доступ к исторической памяти, вовлекает новые аудитории, актуализирует семейные, локальные и региональные истории, но одновременно делает прошлое уязвимым для манипуляции, эстетизации и поверхностного потребления.

Категория медиапамяти позволяет точнее описать этот сдвиг: «в коммуникационном пространстве цифрового общества коллективная память трансформировалась в медиапамять» [там же]. В другой работе Д. С. Артамонов уточняет, что медиапамять возникает как особый виртуальный механизм конструирования представлений о прошлом и «обладает одновременно характеристиками коммуникативной, культурной и цифровой памяти» [1, с. 66]. В связи с этим следует заметить, что цифровая память не сводится к хранению данных. Она одновременно коммуникативна, культурна, технологична и аксиологична. Именно поэтому диджитал коммеморация должна рассматриваться не как набор технических решений, а как механизм социальной ориентации в медиасреде.

Традиционная коммеморация предполагала устойчивую связь события, места и ритуала. Но сейчас, в цифровую эпоху, эта связь стала гораздо более гибкой. Как

отмечает А. Г. Цымбал, коммеморация – это, по сути, то, как мы, люди или целые группы, храним память о прошлом и строим свою общую идентичность, свою культурную и историческую память [8, с. 50]. В сегодняшних реалиях эти действия как будто «растекаются» во времени и пространстве. Множество людей, находясь в разных уголках мира, одновременно участвуют в создании этой памяти – их объединяет общая платформа, символ, дата, схожие эмоциональные реакции. Меняется и статус участника: он перестает быть только зрителем или посетителем и становится соавтором памяти, способным добавлять к общим нарративам не только личные фотографии или семейные документы, но и свой комментарий, уточнение, интерпретацию.

Общей чертой основных форм диджитал коммеморации (напр., виртуальные мемориалы, интерактивные архивы, цифровые карты, онлайн-экскурсии, сетевые акции памяти, документальные платформы) является выход за пределы институциональных «зон памяти». Л. Б. Зубанова среди признаков цифрового измерения памяти выделяет также «реинкарнацию прошлого в цифровой среде», технологии конструирования автобиографической сетевой памяти, практики альтернативной онлайн-коммеморации и креативные модели активной проработки воспоминаний пользователей [3, с. 15]. Из этой гипотезы вытекают следующие предположения: цифровая память включает повседневные пользовательские действия – публикацию семейной фотографии, восстановление биографии, участие в онлайн-акции, создание виртуального маршрута, комментарий к историческому событию или личное свидетельство в социальной сети.

Демократизация памяти является одним из главных эффектов диджитал коммеморации. В публичное пространство входят сюжеты, ранее остававшиеся на периферии: семейные архивы, локальные истории, судьбы отдельных людей, исчезающие городские объекты, свидетельства очевидцев, опыт малых сообществ. Однако расширение участия не означает автоматического повышения качества памяти. Чем больше субъектов получает право публичного высказывания о прошлом, тем острее становится проблема достоверности, этичности и ответственности. Цифровая демократия памяти нуждается не только в открытом доступе, но и в культуре проверки, интерпретации и уважения к объекту воспоминания.

Особое значение приобретает проблема времени. В классической мемориальной культуре прошлое отделено от настоящего дистанцией ритуала: памятной датой, церемонией, музейной экспозицией, посещением места памяти. В цифровой среде прошлое возвращается постоянно – через уведомления, репосты, автоматические подборки, алгоритмические рекомендации и годовщины, предлагаемые платформами. Л. Б. Зубанова, ссылаясь на А. Ассман, рассматривает цифровой поворот как «виртуализацию самого тегоу-нарратива, его перелокализацию в пространство виртуальной реальности, социальных сетей, дигитальных архивов» [3, с.

16]. Нам видится, что в этом случае возникает новый режим темпоральности: прошлое не просто вспоминается, а непрерывно актуализируется в цифровом настоящем, пребывая в состоянии вечного «здесь-и-сейчас».

Такая темпоральность имеет амбивалентные последствия. С одной стороны, память становится доступной независимо от географии, возраста, социального статуса и физической возможности посетить место памяти. Человек может изучить мемориальный маршрут, посмотреть цифровую выставку, найти сведения о родственнике, оставить свидетельство, принять участие в онлайн-акции или обсудить исторический материал. С другой – постоянная доступность прошлого способна снижать глубину его переживания, превращая событие в «контент». Здесь, однако, сделаем важное замечание: проблема заключается не в «цифре» как таковой, а в отсутствии культуры вдумчивого обращения с ней.

Социально-философская суть цифровой коммеморации лучше всего проявляется через понятие субъекта. Если раньше главными хранителями памяти были институты – государство, церковь, школа, музеи, архивы, творческая элита, – то в цифровом мире к ним добавился массовый пользователь, получивший возможность активно публиковать и распространять информацию. Это не отменяет институциональную политику памяти, но делает ее гораздо сложнее. Теперь официальные версии прошлого вынуждены конкурировать с пользовательскими нарративами, академическая история – с массовыми трактовками, научные доводы – с эмоциональным откликом, а архивные документы – с вирусными мемами. В этом контексте диджитал коммеморация – это не только пространство для достижения консенсуса, но и арена для конфликтов, поле битвы, где ведутся «войны памяти».

С аксиологической точки зрения диджитал коммеморация всегда связана с отбором того, что должно быть сохранено, предъявлено и повторено. Н. А. Разливинская отмечает, что в ситуации коммеморации прошлое выступает материалом, позволяющим транслировать аксиологические установки определенного исторического периода, задавать векторы интерпретации событий и формировать социально одобряемые модели поведения [7, с. 33]. В процитированном определении подчеркивается нормативный характер памяти: она не только сообщает о прошлом, но и предлагает обществу способы его оценки. Цифровая среда усиливает этот эффект: каждая публикация содержит явную или скрытую оценку, каждая визуализация выбирает определенный ракурс, каждый архив задает порядок доступа, каждый алгоритм влияет на видимость тех или иных образов прошлого.

В результате расширяется само понятие коммеморативного пространства. Если в классическом варианте оно было связано с городом, памятником, мемориальной доской, музеем или местом захоронения, то в цифровом обществе приобретает поликодовый, сетевой и платформенный характер, характер той самой «ризомы», ставшей, с легкой руки Ж. Делёза и Ф. Гваттари, визитной карточкой постмодернизма. Размышляя над вопросом связи между городской памятью и цифровым ме-

диапространством, мы имеем возможность сделать ссылку на работу Н. А. Разливинской. Если, согласно Н. А. Разливинской, коммеморация в современном городе служит формированию аксиологического потенциала личности и социально одобряемых моделей поведения городского жителя [8, с. 200], то диджитал коммеморация переносит эту функцию в медиасреду: городской знак продолжается QR-кодом, виртуальной справкой, онлайн-картой, цифровым архивом, мультимедийным рассказом или обсуждением в социальных сетях.

Наиболее остро в цифровой среде проявляется риск потери границы между памятью и ее симуляцией. Речь идет не только о технической уязвимости цифровых архивов – утрате данных, устаревании носителей, кибератаках и вирусах, – но и о логике платформенной культуры. Алгоритмы поощряют краткость, визуальность, эмоциональность и конфликтность; поэтому память способна превращаться не в пространство осмысления, а в ресурс внимания. При этом уместно предположить, что замещение исторического знания «памятным контентом» может быть как результатом сознательной манипуляции, так и следствием неосознанного искажения исторических фактов.

В эпоху постправды эта опасность усиливается. Д. С. Артамонов предупреждает, что медиапамять содержит «опасные подводные камни в виде фейков, эмоционального восприятия прошлого, мемориальных войн» [2, с. 5]. Для социально-философского анализа это принципиально, поскольку прошлое в цифровой среде становится не только объектом исследования, но и предметом борьбы за идентичность, легитимность, моральное превосходство и политическое влияние. Исторический фейк не просто искажает факт; он стремится встроиться в коллективную память и стать эмоционально убедительной версией прошлого. И если в 1916 году американский историк У. Э. Гриффис сказал: «Общепринятая история почти всех войн написана победителями», то сегодня победителями становятся те, кто эту историю пишет.

Тем самым диджитал коммеморация обнаруживает противоречие между памятью как ответственным сохранением прошлого и памятью как цифровым производством впечатлений. Мемориальная культура ориентирована на уважение к событию, личности, жертве, подвигу, трагедии или культурному наследию; платформенная среда – на скорость, реакцию и вовлечение. Наша позиция заключается в следующем: социально-философская задача состоит не в отказе от цифровых форм памяти, а в выработке критериев их ответственного применения. К таким критериям относятся достоверность источника, этичность визуализации, прозрачность авторства, проверяемость данных, уважение к объекту коммеморации, различение факта и интерпретации.

Проблема ответственности особенно актуальна в работе с молодежью. Опираясь на исследования Я. В. Зубовой и И. В. Липчанской, можно констатировать, что

молодёжь воспринимает Интернет не только как медиа для поиска информации, но и как целостное пространство жизни. Социальные сети и цифровые платформы играют значимую роль в процессе становления личности, влияя на формирование мировоззрения и поведенческих паттернов [4, с. 106]. Ключевым для понимания влияния цифровой среды на историческое сознание молодых людей является вопрос о том, какие механизмы памяти она транслирует. Цифровые формы увековечивания памяти способны как пробуждать уважение к истории, чувство причастности к судьбе страны и родного края, бережное отношение к семейным воспоминаниям, так и, напротив, культивировать поверхностное, «клиповое» восприятие прошлого, мемориальный популизм и зависимость от готовых эмоциональных штампов.

Образовательный потенциал диджитал коммеморации раскрывается в возможности синтеза исторических источников, личного опыта и современных цифровых инструментов. Такие форматы, как интерактивные карты, цифровые выставки, виртуальные музеи, медиапроекты или онлайн-маршруты, выступают не только как средства репрезентации исторической памяти, но и как инструменты исследовательского процесса. Ярким примером является маршрут «Дорогами Памяти». В работе А. О. Катионовой подчеркивается значимость для реконструкции социальной памяти о Великой Отечественной войне глубокого погружения исследователя в исторический материал [5, с. 85]. В цифровом же формате эта исследовательской логика получает значительное усиление: маршрут становится доступным для широкой аудитории, материалы – открытыми для совместного дополнения, а сам процесс исторического исследования – предметом открытого диалога.

Однако образование не должно подменяться цифровой эффектностью. Виртуальный мемориал, интерактивная карта или видеонарратив работают как инструменты памяти только тогда, когда включены в процесс понимания: работу с источниками, обсуждение, сопоставление фактов, анализ визуальных образов, рефлекссию и этическое осмысление. В противном случае цифровая коммеморация превращается в набор технических решений, не формирующих исторического сознания, – красивый, но бесполезный инструмент. Ее педагогическая и социальная ценность определяется не количеством ресурсов, а качеством их включения в культуру ответственного обращения к прошлому.

Постулируем, что диджитал коммеморация является не вторичной цифровой оболочкой традиционной памяти, а самостоятельным социально-философским феноменом. Ее содержание определяется взаимодействием памяти, медиа, ценностей, идентичности, технологий и власти. Она соединяет архив и платформу, ритуал и интерфейс, личное свидетельство и публичный нарратив, материальное место памяти и цифровой след. В этой структуре прошлое перестает быть только объектом хранения и становится объектом постоянного коммуникативного производства.

Социально-философский взгляд на диджитал коммеморацию показывает, что цифровая эпоха не упраздняет, а трансформирует потребность человека и общества в памяти. Память обретает доступность, визуальность, интерактивность и демократичность, но вместе с тем становится более подвержена рискам: фейкам, манипуляциям, техническим утратам, коммерциализации и фрагментации. Следовательно, ключевая исследовательская задача заключается не в противопоставлении традиционных и цифровых форм, а в поиске условий для их ответственного и продуктивного сосуществования.

Библиографический список:

1. Артамонов Д. С. Медиапамять: теоретический аспект // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2022. – № 2. – С. 65–83. – DOI: 10.46539/gmd.v4i2.269.
2. Артамонов Д. С. Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества: дис. ... д-ра филос. наук. – Саратов, 2023. – 356 с.
3. Зубанова Л. Б. Цифровая память в пространстве мемориальной культуры: образы прошлого в медиа-технологиях будущего // *Челябинский гуманитарий*. – 2020. – № 3 (52). – С. 15–22.
4. Зубова Я. В., Липчанская И. В. Социализация молодежи в условиях виртуальной коммуникации: преимущества и риски // *Гуманитарий Юга России*. – 2026. – Т. 15. № 2 (78). – С. 105–115. – DOI: 10.18522/2227-8656.2026.2.8.
5. Катионова А. О. Маршрут «Дорогами Памяти»: ресурс коммеморативной практики по местам боевых действий на территории России и Белоруссии (1941–1945) // *Вестник педагогических инноваций*. – 2023. – № 2 (70). – С. 85–98. – DOI: 10.15293/1812-9463.2302.09.
6. Ландина Л. В. Коммеморация как объект междисциплинарного знания // *Вестник белорусского государственного университета культуры и искусств*. – 2023. – № 1 (47) – С. 15–26.
7. Разливинская Н. А. Анализ коммеморативных дискурсивных практик в текстах мемориальных досок Москвы и Лондона: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2024. – 241 с.
8. Цымбал А. Г. Коммеморативные практики в эпоху цифровизации: влияние технологий на историческую память // *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия»*. – 2025. – Т. 7. № 1. – С. 49–58.
9. Чернов И. В. Цифровизация как тенденция развития современного общества: специфика научного дискурса // *Гуманитарий Юга России*. – 2021. – Т. 10. № 1. – С. 121–132. – DOI: 10.18522/2227-8656.2021.1.11.

References:

1. Artamonov D. S. Mediapamyat': teoreticheskij aspekt // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2022. – № 2. – P. 65–83. – DOI: 10.46539/gmd.v4i2.269.
2. Artamonov D. S. Mediapamyat' v kommunikacionnom prostranstve cifrovogo obshchestva: dis. ... d-ra filos. nauk. – Saratov, 2023. – 356 p.
3. Zubanova L. B. Cifrovaya pamyat' v prostranstve memorial'noj kul'tury: obrazy proshlogo v media-tehnologiyah budushchego // *Chelyabinskij gumanitarij*. – 2020. – № 3 (52). – P. 15–22.
4. Zubova Ya. V., Lipchanskaya I. V. Socializaciya molodezhi v usloviyah virtual'noj kommunikacii: preimushchestva i riski // *Gumanitarij Yuga Rossii*. – 2026. – T. 15. № 2 (78). – P. 105–115. – DOI: 10.18522/2227-8656.2026.2.8.
5. Kationova A. O. Marshrut «Dorogami Pamyati»: resurs kommемorativnoj praktiki po mestam boevyh dejstvij na territorii Rossii i Belorussii (1941–1945) // *Vestnik pedagogicheskikh innovacij*. – 2023. – № 2 (70). – P. 85–98. – DOI: 10.15293/1812-9463.2302.09.
6. Landina L. V. Kommемoraciya kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo znaniya // *Vestnik belorusskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. – 2023. – № 1 (47) – P. 15–26.
7. Razlivinskaya N. A. Analiz kommемorativnyh diskursivnyh praktik v tekstah memorial'nyh dosok Moskvy i Londona: dis. ... kand. filol. nauk. – Moskva, 2024. – 241 p.
8. Cymbal A. G. Kommемorativnye praktiki v ehpoхu cifrovizacii: vliyanie tehnologij na istoricheskuyu pamyat' // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Seriya «Filosofiya»*. – 2025. – T. 7. № 1. – P. 49–58.
9. Chernov I. V. Cifrovizaciya kak tendenciya razvitiya sovremennogo obshchestva: specifika nauchnogo diskursa // *Gumanitarij Yuga Rossii*. – 2021. – T. 10. № 1. – P. 121–132. – DOI: 10.18522/2227-8656.2021.1.11.